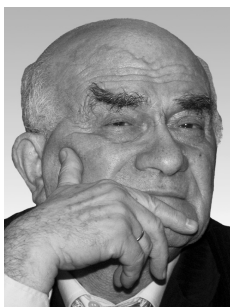

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ — ОБЩЕЕ ДЕЛО СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Е.Г. ЯСИН

Ясин Евгений Григорьевич — научный руководитель ГУ ВШЭ, доктор экономических наук, профессор. В 1994–1998 гг. — министр экономики РФ. Член Совета директоров ОАО «Вимм-Билль-Данн Продукты Питания», Северсталь-Авто, ЗАО «Эхо Москвы», СГ «Альфа-Страхование». Президент НБФ «Экспертный институт», Президент фонда «Либеральная миссия». Член Европейской академии наук, доктор honoris causa Университета Бирмингема (Великобритания), почетный профессор Цзилиньского университета (КНР). Кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» 4 степени. Автор книг: «Теория информации и экономические исследования» (1970), «Экономическая информация» (1974), «Хозяйственные системы и радикальная реформа» (1989), «Трактат об административной реформе» (1990), «Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: Курс лекций» (2002), «Нерыночный сектор. Структурные реформы и экономический рост» (2003), «Новая эпоха — старые тревоги: Политическая экономика» (2004, 2 т.), «Приживется ли демократия в России» (2005), «Политическая экономика и реформы ЖКХ» (2006).
Контакты: yassin@hse.ru

Резюме

В статье перед обществоведами ставится задача изучения роли культуры в развитии разных стран и цивилизаций и высказывается убеждение, что научные исследования в области влияния институтов, культуры, ценностей на развитие инновационной экономики могут способствовать лучшему обоснованию политики государства и созданию благоприятной атмосферы для реализации творческого потенциала россиян. Предлагается схематическая модель культуры, усвоенной индивидом на трех уровнях: 1) общественные мнения и настроения; 2) представления и установки; 3) ценности. На основе работ Г. Хофстеда, Р. Инглхарта и Ш. Шварца предлагаются 4 возможных оси измерения культур: индивидуализм — коллективизм; свобода (равноправие) — иерархия (порядок); открытость изменениям — консерватизм (традиционность); самореализация (достижимость) — гармония (равновесие).

Процесс глобализации заставляет по-новому взглянуть на многие давно наблюдаемые процессы. Сейчас прежнее представление о том, что глобализация выгодна Западу и как бы

им осуществляется, не выдерживает критики. Явно выигрывают страны, когда-то (до XVI в.) бывшие передовыми, затем отставшие и теперь показывающие способность усваивать

западные технологии и культуру в ходе так называемой «поздней» индустриализации (Китай, Индия). Они преодолевают отсталость, повышают уровень жизни населения и того и гляди догонят своих культурных доноров. В то же время другие страны демонстрируют существенно меньшую гибкость: они легко усваивают западные образцы потребления (элиты), но не передовые технологии и тем более не способность к созданию инноваций. Последние, видимо, требуют особой культурной среды, ибо представители разных цивилизаций, проведя много лет в американских университетах или компаниях, оказываются способны, как и коренные жители, к оригинальным открытиям и инновациям, но не у себя дома.

Возникают многочисленные вопросы о роли культуры, в широком смысле, в развитии разных стран и цивилизаций, в изменении структуры мировой экономики.

Естественно, в первую очередь эти вопросы мы задаем относительно нашей страны. В начале XX в. она избрала вариант преодоления отсталости, отличный от развития западных стран, хотя и основанный на идеологии, заимствованной на Западе. В конечном счете оказалось, что под воздействием отечественной культуры коммунистическая модель трансформировалась в нечто весьма близкое к восточной деспотии с добавлением риторики сверхкрупной монополии. Эксперимент оказался неудачным, хотя в определенный период он позволил стране играть роль мировой сверхдержавы. Но с августа 1991 г. ситуация в корне изменилась — новая демократическая

Россия оказалась перед необходимостью снова выбирать свой путь. Сейчас, по прошествии почти 20 лет, осуществив радикальные рыночные реформы, страна должна осознать реалии нового положения. Очевидно, что она не сможет конкурировать со странами «поздней индустриализации», обладающими колоссальными резервами дешевой рабочей силы и уже показавшими способность захватывать открытые рынки Запада. Россия обладает большими природными богатствами и сегодня именно за счет ренты от них восстанавливает свои экономические позиции. Но это ресурс, подверженный колебаниям мировой конъюнктуры и, кроме того, внушающий гражданам страны представление о возможности прилично жить, не особо напрягаясь. И еще комплекс неполноценности: мы не сможем, как другие.

Западные страны, а также Япония, создали инновационную экономику, в том смысле, что большая часть прироста валового внутреннего продукта является результатом инноваций, приводящих к росту производительности. И они довольно далеко от нас ушли. Сможем ли мы двигаться по этому пути и в итоге получить достойные результаты?

Одна из гипотез сводится к тому, что сможем, ибо Россия уже однажды продемонстрировала свои креативные способности, завоевав лидирующие позиции в атомной промышленности, в освоении космоса. Другая гипотеза: многое утрачено и восстановить позиции трудно, если вообще возможно; одних инвестиций недостаточно. Наконец, третья гипотеза: все возможно, но необходимы заметные изменения в культуре,

в системе ценностей, в институтах, которые создали бы в российском обществе не менее благоприятную для инноваций среду, чем в США и других странах Запада.

Какая гипотеза ближе к истине, мы узнаем со временем. Но людям свойственно желание понимать то, какими действиями, какой политикой они могут способствовать лучшему достижению желанного результата. Я убежден, что научные исследования в области влияния институтов, культуры, ценностей на развитие экономики и особенно инновационной экономики могут способствовать лучшему обоснованию политики нашего государства и созданию в обществе атмосферы, благоприятной для реализации творческих потенциалов наших сограждан.

Я полагаю, что в проведении такого рода исследований целесообразно объединение усилий разных научных дисциплин, в том числе направлений, представленных в Высшей школе экономики. Я имею в виду прежде всего экономистов, социологов и социальных психологов, а также специалистов по экономической антропологии, политологии, философии, культурологии, хотя мы все, изучая один предмет, говорим на разных языках и порой плохо понимаем друг друга. Поэтому, если мы считаем такие исследования полезными, следует общаться, искать основу для взаимопонимания и для того, чтобы выстроить достаточно практические планы и методы исследования.

Не питаю иллюзий относительно того, что в этой короткой статье я смогу сделать какой-то заметный вклад в решение этих задач. Но все

же некоторые заметки к возможному их решению постараюсь изложить.

В сущности, речь идет об изменчивости некоторых элементов национальной культуры в направлении повышения продуктивности системы ценностей и норм поведения. На этот счет идут споры и есть множество ревнителей традиций и самобытности, которые возражают против усвоения европейских ценностей, считая, что нам угрожает утрата национальной идентичности. Я думаю, что все равно взаимодействие культур идет и никакой здравомыслящий человек не станет возражать против того, что русская культура с XVII в. развивалась под возрастающим влиянием европейской, и это не только не привело к каким-то серьезным потерям для России, напротив, итогом был такой расцвет русской культуры в XIX и начале XX вв., что его можно уподобить «вспышке сверхновой», после чего она стала в ряд с величайшими культурами в истории человечества.

Другое дело, что изменения в институтах и культурных ценностях происходят очень медленно и надо понять механизм этих изменений, чтобы способствовать сдвигам в полезных направлениях, не вызывая слишком сильного противодействия.

Рискуя вызвать насмешки психологов над моей некомпетентностью, все же предложу некую схематическую модель культуры, усвоенной индивидом. Последний фиксирует в памяти некую сумму знаний, представлений, мифов, которые размещаются в его памяти и затем участвуют в восприятии (или невосприятии) поступающей извне информации. Они играют роль своего рода фильтров,

которые из потока информации выделяют нечто по критериям полезное — вредное, хорошее — плохое, обращая внимание на то, что, с одной стороны, может быть усвоено в силу наличия в памяти каких-то сходных элементов (пересечения сообщений с тезаурусом получателя), а с другой стороны, отбрасывая то, что уже известно или, наоборот, настолько неизвестно, что не поддается опознанию. Отбор информации влияет на поведение. Эти фильтры располагаются на нескольких уровнях. Я выделяю три: 1) общественные мнения и настроения; 2) представления и установки; 3) ценности. Первый поверхностный слой очень изменчив и вообще не относится к явлениям культуры. Представления и установки менее подвижны, но все же они заметно меняются, в том числе под влиянием образования, СМИ и т. п. Но все же в их работе уже проявляется автоматизм: воспринимающий индивид готов скорей без размышлений отбросить необычное, чем поразмышлять. Размышление есть уже элемент усвоения.

Ценности — наиболее глубокий и наименее изменчивый слой культуры, действующий с наибольшим автоматизмом, доступный только через представления и установки, которые сами по себе уже являются барьером для проникновения стимулов к изменениям ценностей.

В памяти сообщества индивидов на всех трех уровнях содержатся общие компоненты, либо идентичные, либо сходно интерпретируемые и поэтому в ответ на некие сигналы вызывающие подобные реакции со стороны большинства членов этого сообщества. Вместе второй и третий

уровень образуют культуру этого сообщества. Само наличие культуры делает это множество людей сообществом в смысле появления социальной жизни на почве единства культуры. Последняя предполагает установление взаимоотношений между членами сообщества, включая отношения равенства — неравенства, доминирования — подчинения и т. п.

Изменения в представлениях, установках, ценностях индивидов происходят вследствие получения сообщений извне (обычно серий сходных сообщений) от других членов сообщества или из-за его пределов (от других сообществ, природных явлений), включая сообщения об изменениях в технологии производства, повышающих производительность.

Изменения в представлениях и установках сообщества происходят тогда, когда полученные сообщения усваиваются большинством членов сообщества, преодолевается барьер распространения, причем изменения представлений и установок не в большинстве случаев блокируется фильтром ценностей. Сообщения не отбраковываются. Если изменятся представления, значит, система ценностей их не отвергает, считая их либо несущественными (до поры до времени), либо полезными (хорошими). Последнее означает, что как-то изменяется и она сама.

Для большинства людей устойчивые фильтры необходимы: они упрощают картину мира и тем самым облегчают восприятие информации и жизнь. Поток информации, подлежащий усвоению, сжимается. Одновременно поведение делается шаблонным, преобладают консервативные

настроения. Но в каждом сообществе находятся члены, которым от этого делается скучно, они хотят перемен, они ищут новую информацию. Они создают какие-то инновации, предлагая их сообществу. Если таких индивидов достаточно много, увеличение их доли каким-то образом поощряется, то сообщество оказывается более мобильным и инновационным. Но обычно инновации воспринимаются нелегко, они должны пробить шаблонные представления, адаптировать традиционные ценности. Их оружие — мода. Инновации, которыми пользуются авторитетные, господствующие, привлекательные члены сообщества, могут стать модными: другие люди явно или неявно предполагают, что, пользуясь инновацией, они обретут свойства этих выделяющихся членов общества. Инновации могут приходиться из иных обществ, сталкиваясь с дополнительными препятствиями со стороны ревнителей принятых обычаев, выдвигающих тогда более или менее резонные возражения против чужих новинок. Так или иначе, если инновации преодолевают барьер распространности, они меняют представления, установки и ценности, составляющие особые черты культуры данного сообщества. Совсем необязательно полное изменение культуры, которое можно было бы трактовать как потерю идентичности. Возможны частичные изменения ценностей, полезные для адаптации сообщества к меняющимся условиям и, напротив, позволяющие ему ответить на вызовы, развить культуру, сделаться более конкурентоспособным.

Эту схему можно описать более строго и полно. Но смысл ее в том,

что она или подобная ей иная модель помогает правильней поставить вопросы для исследования, понять связи между изучаемыми переменными. А цель таких исследований как раз в том, чтобы выяснить характер культуры данного общества, его свойства и особенности по сравнению с другими культурами, в том числе изменчивость, адаптивность, чувствительность к тем или иным инновациям. Моя мечта — разработать хорошо продуманный проект такого исследования и провести хотя бы его первые этапы, чтобы увидеть динамику культур, прежде всего нашей.

Как известно, уже реализуется несколько международных проектов по исследованию ценностей: Г. Хофстеда, Р. Инглхарта, Ш. Шварца и др. Указанные авторы разработали каждый свою модель универсальных ценностей, проявляющихся во всех культурах. Их комбинации и разные веса определяют особенности культур.

У Г. Хофстеда выделены следующие пары ценностей: 1) индивидуализм — коллективизм; 2) дистанция власти от высокой до низкой: дистанция власти как бы именуется осью ценностей; 3) избегание неопределенности — тоже ось с предельно высокими и низкими значениями на полюсах; 4) маскулинность — феминность: противостояние активности, доминирования материальных интересов и равновесия, духовности, осторожности (Inglehart, Welzel, 2005; Сусоколов, 2006).

Р. Инглхарт выделяет две оси: 1) традиционализм — секулярность и 2) самореализация — выживание.

Ш. Шварц определяет семь базовых универсальных ценностей:

1) принадлежность к группе, коллективу, сообществу — идентичность (embeddedness); 2) автономия аффективная (гедонизм); 3) автономия интеллектуальная; 4) иерархия; 5) равноправие; 6) гармония; 7) мастерство. Параллельно допускается увеличение значимости всех ценностей, но все же ценности принадлежности мягко противопоставляются автономии, равноправие — иерархии; мастерство (подразумевающее активность) — гармонии.

Назову еще один международный проект — Европейское социальное исследование (ESS — European Social Survey), основанное на методологии Ш. Шварца. Оно охватывает 25 стран Европы. Россия присоединилась к нему в 4-м раунде, проведенном в 2006–2007 гг. (Магун, Руднев, 2008, с. 33–58). В этом проекте 10 базовых типологических ценностей сгруппированы в 4 укрупненных категории и две ценностные оси: 1) сохранение — открытость изменениям; 2) самоутверждение — выход за пределы своего «Я» (см. рис. 1).

Во всех этих проектах базовым ценностям, поименованным авторами, поставлены в соответствие некие множества («облака») общеупотребительных понятий о ценностях, предпочтения респондентов к которым выясняются в опросах. Например, ценности «мастерство» в проекте Ш. Шварца соответствуют следующие понятия: удачливый, амбициозный, независимость, способный, влиятельный, общественное признание, выбор собственных целей, смелость. В ESS респондент предпочитает «самостоятельность» как ценность, если он выберет следующие из предложенных ему высказы-

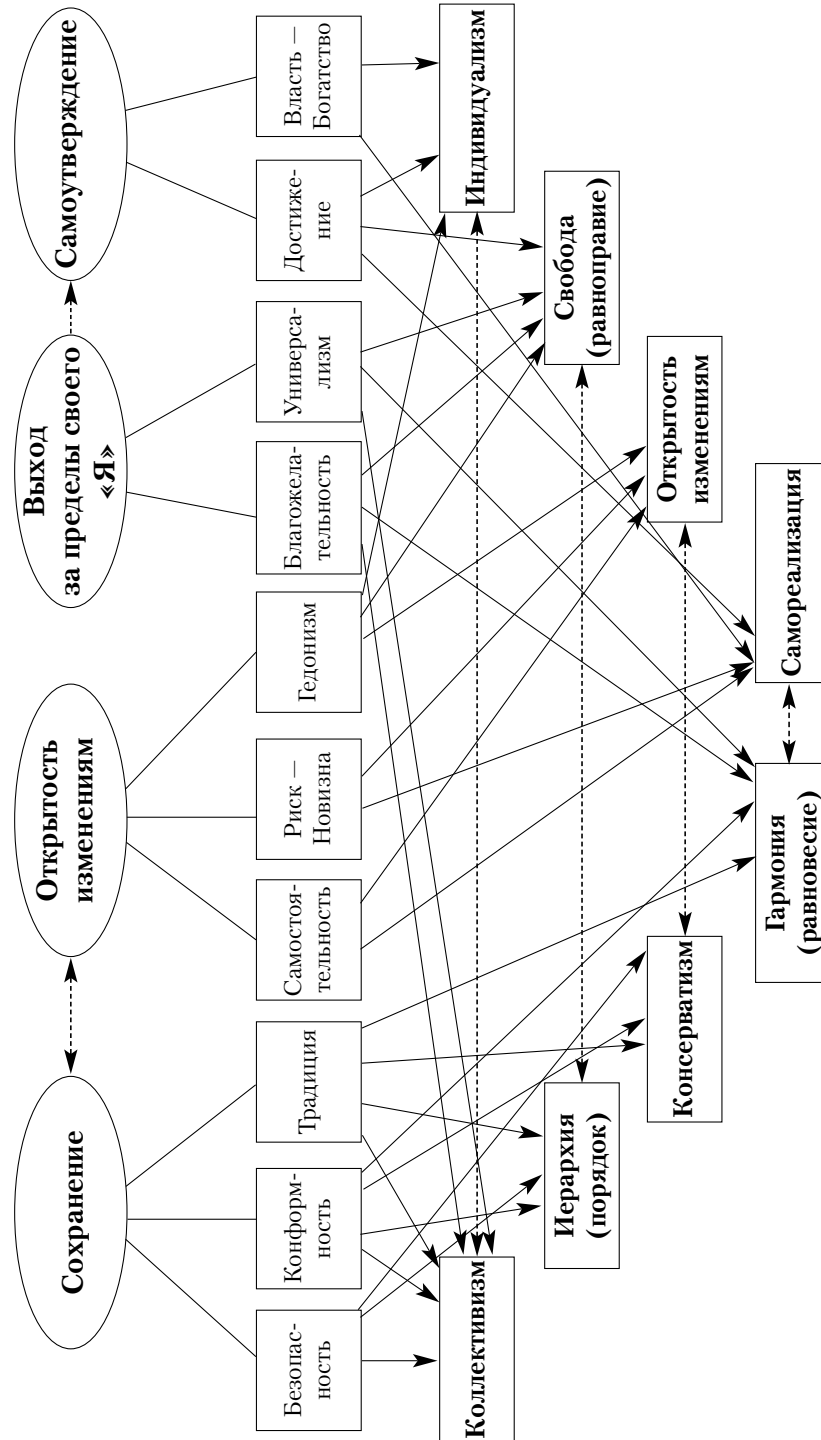
ваний: «Для него важно придумать новое и подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом. Ему важно самому принимать решения о том, что и как делать. Ему нравится быть свободным и не зависеть от других» (Магун, Руднев, 2008, с. 42). Отсюда следует, что, располагая базами данных проведенных исследований и конструируя собственный проект, новый исследователь может предлагать свои базовые ценности, построенные на них оси (шкалы) и соответствующие им «облака», исходя из своего проекта.

Я предложил бы следующие 4 пары.

1. *Индивидуализм — коллективизм*. Индивидуализм предполагает высокую ценность достоинства личности и ее прав, а коллективизм отражает подчиненность в той или иной мере интересов личности общим интересам, потерю ее субъектности. Эта пара есть у Г. Хофстеда и неявно у Р. Инглхарта. Индивидуализму у Ш. Шварца соответствуют интеллектуальная и аффективная автономия плюс отчасти мастерство, а в ESS — самоутверждение.

2. *Свобода (равноправие) — иерархия (порядок)*. Здесь важно противопоставление ценностей по величине дистанции власти Хофстеда, плоской сетевой и иерархической социальных структур. Первая делает акцент на ценностях свободы и равноправия, вторая — на поддержании порядка и обеспечении безопасности на основе отношения господства — подчинения. Свобода и равноправие стоят здесь в одном ряду, чтобы подчеркнуть ответственность свободы и признание в качестве условия прав на свободу других. В иных

Рис. 1
Соотношение типологических ценностей ESS и предлагаемых базовых ценностей

отношениях свобода противопоставляется равноправию: последнее стоит в одном ряду с социальной справедливостью, тогда как свобода может вести к неравенству в материальном благосостоянии.

Иерархия есть у Ш. Шварца, она противостоит равноправию, а свобода встречается в «облаке» интеллектуальной автономии и, стало быть, индивидуализма.

3. *Открытость изменениям — консерватизм (традиционность)*. В этой паре подчеркивается различие в системах ценностей разных культур с точки зрения склонности к переменам, восприимчивости к новому против тяготения к стабильности, к традициям. По сути, она заимствована из ESS, только «сохранение» заменено консерватизмом, чтобы более четко обозначить, что имеется в виду. У Р. Инглхарта это традиционализм — секулярность, у Г. Хофстеда можно сопоставить эту ось с избеганием неопределенности.

4. *Самореализация (достижимость) — гармония (равновесие)*. Здесь подчеркивается противопоставление активности, стремления к успеху, с одной стороны, и признания совершенства мира, которое можно нарушить грубым вмешательством. Равновесие в китайской философии — цель деятельности, но не рост, не улучшение сущего. У Ш. Шварца это Мастерство — Гармония, у Г. Хофстеда нечто подобное выражает пара «маскулинность — феминность». Но это не тождественно противопоставлению открытости изменениям и консерватизма, ибо здесь акцент не на том, менять или не менять, а на ограничениях деятельности: добиваться успеха даже во-

преки интересам других или же ради добрых отношений с окружающими никого не задевать, со всеми договариваться. Соотношение этих пар ценностей с типологическими ценностями ESS показано на рис. 1.

Почему я заостряю противопоставление ценностей? Потому что тем самым хочу более четко акцентировать внимание на тех из них, значимость которых необходимо повысить, чтобы привести культуру в соответствие с требованиями времени, сделать экономику более конкурентоспособной и инновативной. На самом деле соотношения ценностей размыты, и в жизни они не только противоречат друг другу, но чаще всего представляют необходимые стороны баланса, имеющего оптимальное состояние равновесия. Но сейчас, возможно, нужно нахождение нового равновесия и, стало быть, нарушение баланса. Отсюда желание обострить противоречия, сделать грани более четкими.

Можно утверждать, что ценности индивидуализма, свободы/равноправия, открытости изменениям, самореализации особенно важны для конкурентной рыночной экономики, для инноваций, спрос на которые рождает конкуренция, для утверждения частной собственности, формирующей сильные мотивации у рыночных агентов. Более того, институты свободного рынка, конкуренции, спроса на инновации способствуют утверждению и повышению значимости этих ценностей. Поэтому они в большей степени характерны для европейской (включая Америку) цивилизации и во многом обеспечили ее культурную экспансию по всему миру.

Ей противостоит другой ряд ценностей, тоже важных, но в большей мере доминирующих в других культурах — восточных, а точнее, чтобы не было этнической или цивилизационной привязки, более традиционных, не приведших, в отличие от Европы, к порождению развитой рыночной экономики и капитализма. Представители этих культур хотят сохранить свою самобытность. Но в то же время им нужно меняться, чтобы адаптироваться к новым условиям и повысить конкурентоспособность в условиях глобализации.

Как мы отмечали, сами ценности различаются по степени укорененности, изменчивости, образуя сложную структуру. Они меняются, хотя и медленно, во взаимодействии со слоями представлений и установок, от которых поток информации, не отфильтрованный ранее, поступает на уровень ценностей последней «очистки». Если и на этом уровне сигналы будут признаны значимой информацией, то они либо вызовут реакцию противодействия, либо станут фактором изменения и ценностей, и представлений. Реакции отторжения изменений более часты, но какая-то доля сигналов все же воспринимается, прежде всего от изменений в экономике и технологиях. Эта доля выше в более гибких, адаптивных культурах и сообществах.

Вернемся теперь к задачам возможного исследования. Хотя человечество имеет, как утверждают специалисты, единый корень, люди, расселившись по Земле, в основном независимо создали разные цивилизации, каждая из которых формировала свою систему ценностей в зависимости от специфических условий

или стечения обстоятельств. Возникнув независимо, цивилизации взаимодействовали, обмениваясь полезными нововведениями и идеями. Логика развития вела к тому, что основные стадии развития повторялись: от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству, от аграрного общества к индустриальному.

Аграрные цивилизации, господствовавшие большую часть истории человечества, формировали специфические культуры и политические системы, системы принуждения к труду на земле. Так, в Индии появилась кастовая система, в Китае — централизованная бюрократия (Дипак, 2007). В древней Греции орошаемое земледелие было невозможно, здесь перешли к растениеводству на естественно увлажняемых землях и с ростом населения оказались перед необходимостью широкого развития торговли с целью обмена своих продуктов (оливки, вино) на зерно. Орошаемое земледелие породило социальную иерархию и культуру господства—подчинения. Торговля обусловила низкую дистанцию власти, сетевые социальные структуры, частную собственность, города-государства и демократию. В античном мире, по словам Л.С. Васильева (Васильев, 2003 с. 14–17), произошла мутация в социальной организации, которая спустя много веков привела к капитализму и современному экономическому росту, основанному на инновациях. Появилась особая европейская цивилизация, в которой, как можно предположить, в системе ценностей сложились предпочтения в пользу индивидуализма в противовес коллективизму и традиционализму, в пользу свободы

и равноправия в противовес коллективизму и традиционализму, свободе и равноправию в противовес иерархии, открытости к изменениям в противовес гармонии и равновесию. В силу этого европейская культура, опираясь на институты конкурентного рынка, обрела особые качества динамизма и инновативности. Соответственно она начала распространяться вширь, вторгаясь на «канонические» территории других цивилизаций. Сначала это происходило в форме колониализма, затем пришла пора глобализации, когда экспансия осуществляется не государствами, а капиталами и транснациональными корпорациями. Заметим, что глобализация не есть продукт чьего-то корыстного умысла, это результат действия рыночных сил, которые, собственно, и понуждают агентов рыночной экономики постоянно проявлять активность, предприимчивость, агрессивность.

Поскольку европейцы поначалу сталкивались с другими цивилизациями, сохранявшими по преимуществу аграрный характер, с ценностями, смещенными в сторону коллективизма/традиционности, иерархии и гармонии/равновесия, столкновение культур стало неизбежным. В нем выигрывали те, кто оказывался более способен к гибкости и адаптивности, к восприятию элементов европейской культуры. Здесь имели место неожиданности. Япония первой смогла воспринять важные элементы из культуры конкурентов, в первую очередь технологии, и соединить их с собственными институтами. После Второй мировой войны появился феномен «Тойоты»: в этой корпорации в систему управления были имплантированы культурные

элементы японской деревенской общины, включая традиционные ценности. Советские люди, посещавшие «Тойоту» в 70-е годы, повторяя лозунги, бывшие тогда в ходу у нас на Родине, говорили: «образцовое коммунистическое предприятие». Это было верно. Правда, в других корпорациях порядки были другие. Но в целом в Японии эпохи «экономического чуда» царил корпоративный дух, как на «Тойоте». Он принес феноменальный успех: Япония достигла уровня технологической границы, т. е. предела современных технологических возможностей, и вместе с США стала эту границу отодвигать. Но далее что-то не сладилось. В 90-е годы Японию поразил кризис. Я думаю, это кризис возможностей традиционной культуры: она годилась, чтобы заимствовать новинки, даже придумывать кое-что свое. Но для крупных инновационных прорывов, пожалуй, не годилась.

Но японскую модель подхватили Южная Корея и другие «азиатские тигры», потом Китай, вовремя сменивший на нее обветшавшую советскую модель. И все эти страны ждал успех. Китай и сейчас пожинает плоды. По каким причинам? Это дешевая рабочая сила, открывающая путь «поздней индустриализации». Это заимствование западных технологий для поставок товаров на экспорт, на рынки западных же стран. И это традиционная «рисовая культура», воспитывающая тщательность исполнения заданий и высокую дисциплинированность, дистанцию власти и избегание неопределенности. Пока этого достаточно.

В Индии дело обстоит иначе, хотя и здесь осуществляется поздняя

индустриализация. Но японская модель здесь не работает — иная культура. Не буду здесь говорить о других странах, отошлю к своей недавней работе «Модернизация экономики и общество» (Российская идентичность в условиях трансформации, 2005). Но о России не могу не сказать.

Напомню три гипотезы, которые были охарактеризованы в начале статьи. В стране вокруг них идут напряженные споры. Официально в Концепции долгосрочного развития (КДР), подготовленной МЭРТом, за основу взята третья гипотеза — инновационный путь развития, который должны открыть институциональные реформы. Но сроки такие оптимистические, что скорее подходят к первой гипотезе, которая особых препятствий не видит. В то же время традиционалистские настроения и в элите, и в обществе весьма сильны. Они выражены либо в консервативных призывах избрать для России особый путь, соответствующий ее культурным ценностям, не предлагать нам усваивать общечеловеческие ценности, под видом которых преподносятся западные ценности, нам чуждые. Либо некоторые либералы вторят традиционалистам, занимая фаталистическую позицию: российский менталитет не изменить; мы ближе к восточным ценностям. Еще один тезис: демократии у нас не будет, потому что не было никогда. Его дополняет другой тезис: и нам она не нужна, русскому человеку нужен кнут, иначе его будет заносить в крайности. Последние два

тезиса очень многим кажутся верными, они вроде бы согласуются с нашим опытом, с многочисленными наблюдениями.

Мои суждения таковы. Действительно, обладая склонностью к открытиям и инновациям, россияне не имели опыта их массового коммерческого применения. Инновация — это коммерческий продукт, рентабельный только при определенном тираже. Но для этого нужны институциональные условия, не только экономические, но и социальные, политические, правовые, а стало быть, культурные. Культура же у нас довольно отсталая, если брать не отдельные образцы, а массовое поведение. Она сохраняет сильные пережитки аграрно-феодалного прошлого, закрепленные в годы советской власти, представлявшей собой некое новое издание феодализма в форме господства централизованной бюрократии.

Правда, что никогда не было демократии, институты которой как раз остро необходимы для инновационного развития, поскольку они защищают частную собственность, обеспечивают верховенство закона и независимость суда, свободу слова и ассоциаций как предпосылок экономической и политической конкуренции. А она как раз создает спрос на инновации. Да, этого не было. Но без этого страна не сможет решить свои национальные задачи, не сможет ответить на вызовы XXI в. Вопрос не в том, было или не было, а в том, можно ли добиться, чтобы было. И что для этого нужно делать.

Литература

- Васильев Л.С.* История Востока. М.: Высшая школа, 2003.
- Дипак Лал.* Непреднамеренные последствия. М.: ИРИСЭН, 2007.
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. ГУ-ВШЭ, 2007.
- Магун В., Руднев М.* Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1 (93).
- Российская идентичность в условиях трансформации. ИКСН РАН. М.: Наука, 2005.
- Сусоколов А.А.* Культура и обмен. Введение в экономическую антропологию // Русская панорама. М., 2006. С. 242–243.
- Хофстед Г.* Организационная культура. Управление человеческими ресурсами: СПб.: Питер, 2002.
- Ясин Е.Г.* Модернизация экономики и общество. ГУ-ВШЭ, 2007.
- Hofstede G.* Cultures consequences: international differences in world-related values. SAGE, 1980.
- Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change and Democracy. Cambridge University Press, 2005. P. 48–65.
- Schwartz S.H.* Cultural Value Orientations Nature and Implications of National Differences. Moscow: SU-HSE, 2008. P. 12–16.